

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ
ВОПРОСЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

ВЫПУСК 28

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РАЗРЫВЫ В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XX ВЕКА: ЕВРАЗИЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ

В.А. Коктыш

Традиционно русская историко-философская мысль была сосредоточена на проблеме национального пути России. В двадцатые годы прошлого столетия в эмиграции возникает философско-политическое течение «Евразийство». Евразийцы стремились способствовать преодолению острого духовного кризиса соотечественников, они, объясняя причины событий 1917 г., пытались указать выход из создавшейся ситуации. Тема отечественной истории занимала центральное место в общетеоретических построениях евразийцев. С нее начинались и на ней заканчивались все их суждения о евразийской природе русской культуры. В русской истории отыскивали они ключи к объяснению своеобразия отечественной культуры, ее евразийского содержания. В прошлом черпали они смысл своего видения настоящего и будущего страны¹.

Разносторонность интересов участников евразийства предопределила широту поисков и многообразие форм проявления течения. Они продолжили исследования самобытности русской культуры. Следует обратить внимание на то, что взгляды евразийцев не были идентичными. Здесь присутствовали и правые тенденции, которые позволяли их будущим критикам обвинять их в близости к фашистским организациям, но их же называли и «православными большевиками». История течения насчитывает немногим более двадцати лет. Перед Второй мировой войной течение распалось. В это время шовинистические настроения в Европе росли и достигли небывалой интенсивности, евразийцы же пропагандировали идеи содружества народов. В среде эмиграции представители других народов России видели в их политико-философских построениях новую форму русского великодержавия, так как многие евразийцы подразумевали, что роль гегемона в Евразии возьмет на себя русский народ. В Советском Союзе господствовали оптимистические взгляды на будущее, беспредельная вера в научно-технический прогресс, и поиски утраченных корней мало кого волновали

¹ *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века. Изд-во Том. ун-та, 2001. Вып. 1.

В начале 90-х гг. изучение данной проблематики стало крайне актуальным. Россия вновь вернулась к проблеме, владевшей обществом в начале века. В решающей степени облик следующего столетия зависит от сегодняшнего выбора пути. Как никогда остро стоит проблема сохранения этнической и культурной целостности России. Поэтому неудивителен рост научного интереса к русским социально-философским концепциям начала XX в. Возрос интерес и к евразийскому течению, в рамках которого была предпринята еще одна попытка ответить на вопрос о месте и роли России в истории и культуре человечества.

В своем учении они опирались на отечественную духовную традицию, утверждавшую идею особого исторического пути России. Историк русской философии В.В. Зеньковский призывал видеть собственно философское содержание евразийских концепций и при этом подчеркивал глубокую внутреннюю связь евразийства с основными направлениями русской историко-философской мысли. Он считал, что евразийство унаследовало то, что было в русской мысли до него по вопросу о «путях России».

Интересно сопоставить евразийство и со взглядами славянофилов. Вслед за славянофилами евразийцы противопоставляли европейские и русские культурные ценности. Славянофилы настаивали на «самобытном» пути России. Они не скрывали, что для них самыми важными основополагающими ценностями в мире были Православие и Россия. Следует отметить существенные различия евразийской и славянофильской концепции, позволявшие порой утверждать некоторым авторам, что евразийцы предали славянофильские лозунги. Это следует из того, что внимание первых было обращено к «туранскому» элементу в русской культуре, а вторых – к чисто славянскому. С точки зрения евразийцев, русская нация не может быть сведена к славянскому этносу, так как в ее образовании большую роль сыграли тюркские и угро-финские племена, населявшие единое со славянами «месторазвитие» и постоянно взаимодействовавшие с ними. Однако представители и того, и другого направления достаточно критически оценивали западноевропейское влияние в отечественной культуре. Они полагали, что с момента петровских реформ русские вынужденно «должны были проникнуться романо-германским духом и творить в этом духе... К спешному выполнению этой задачи русские были органически неспособны. И действительно, если Россия до Петра Великого по своей культуре могла считаться чуть ли не самой даровитой и плодотворной продолжательницей Византии, то после Петра Великого, вступив на путь романо-германской ориентации, она оказалась в хвосте европейской культуры, на задворках цивилиза-

ции»². По мнению евразийца Н.Н. Алексеева, россиянам необходимо преодолеть в себе и через себя западного человека, а это возможно только в «исходе к Востоку»³. Евразийцы утверждали, что западная культура претендует на универсальность, на нравственное превосходство над другими народами, поскольку европейцы поставили себя во главу культурного прогресса. Плох, по мнению Н. Трубецкого, не сам романо-германский мир со своей специфической культурой, а неприемлемо в нем агрессивное отношение к другим культурам, склонность к цивилизационному геноциду, с желанием мерить всех «на свой аршин». Самобытность же культуры нельзя основывать на превосходстве над другими.

Евразийцы считали необходимым строго различать усвоение чужого, в котором личность преобразует усвоенное в специфически свое, и усвоение подражательное, в котором личность утрачивает свою специфичность. Органичное развитие человека и общества возможно только в том случае, если соотношение и взаимодействие культур рассматривать как обмен культурными ценностями и взаимное обогащение, как диалог в условиях полицентричного культурного мира. Н. Трубецкой утверждал не принцип градации народов и культур, а равноценность, уникальность и неповторимость всех культур земного шара. О важности самостоятельного неподражательного развития каждой национальной культуры он писал следующее: «Ни один нормальный народ в мире, особенно народ организованный в государство, не может добровольно допустить уничтожения своей национальной физиономии»⁴.

Многие установки евразийцев оказались созвучны основным идеям Н.Я. Данилевского. Русский мыслитель подчеркивает несостоятельность теории единого исторического процесса. Данилевский выдвинул идею о разнородности цивилизаций, наличии множества культурно-исторических традиций. По его мнению, все сущее на нашей планете развивается в общей направленности жизненных процессов: зарождается, расцветает, умирает. По аналогии с природой историю можно считать сосуществованием самобытных больших и малых культур, которым отведено свое место в пространстве и во времени. Подобно Н.Я. Данилевскому, евразийцы резко критикуют европоцентризм, где все культуры рассматриваются по степени их приближения к наиболее развитым формам культурного бытия романо-германских народов. Совпадают их точки зрения и в том, что славянский культурно-

² Трубецкой Н.С. Европа и Человечество // Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. С. 29–95.

³ Алексеев Н.Н. Духовные предпосылки евразийской культуры // Евразийская хроника. Берлин, 1935. Вып. 11. С. 13–28.

⁴ Трубецкой Н.С. Европа и Человечество. С. 29–95.

исторический тип реализуется в том случае, если избавиться от «европейничанья». Подчеркивается, что западная цивилизация – одна из многих и она подчиняется тем же общим естественным законам развития. Помимо этого, евразийцы теоретически обосновали концепцию многолинейности исторического процесса. Идея о прогрессе не как о поступательном движении общества и государств, а как о реализации разнообразных возможностей, заложенных в различных культурах, была обоснована Н.Я. Данилевским. Н.С. Трубецкой плодотворно развил эту историко-философскую концепцию и использовал ее при разработке теории о единой евразийской государственности. И Данилевский, и Трубецкой выделяют одну из характерных черт европейского культурного типа – «склонность к насилию». Она проявляется в политике, общественной жизни, стремлении к безграничной свободе для себя.

Очень близкие евразийцам идеи высказывает и представитель философии русского консерватизма К. Леонтьев. Согласно его взгляду, Россия есть особый культурно-исторический мир, синтезирующий в себе черты культур Востока и Запада, связующее звено между этими мирами. Характерно предположение Леонтьева о возможном благотворном влиянии «туранской примеси» (урало-алтайские племена) в русском народе, что нашло сочувственный отклик у евразийцев. Так же критически относился он к европейской культуре и цивилизации. По Леонтьеву, любая культура, цивилизация развивается как биологический организм и проходит три стадии развития. Первая фаза – первоначальная простота, вторая фаза – «цветущая сложность», когда происходит дифференциация организма, усложнение его, третья фаза – вторичная простота, когда происходит распад былой сложности, разложение и умирание организма. Критика европоцентристской модели развития носит у Леонтьева ярко выраженный антизападнический характер. С точки зрения русского мыслителя, Европа идет к единообразию, теряя самобытность и становясь постепенно культурой «среднего человека», человека без корней, не наделенного исторической памятью, без высоких духовных устремлений. Примечательно, что эту идею наш соотечественник высказал еще в позапрошлом веке, предвосхитив размышления авторов XX в. об истощении культурного потенциала «человека-массы» (Х. Ортега-и-Гассет). Часто имена Леонтьева и Данилевского относятся критиками к одному направлению – консервативной философии. Но в данном вопросе позиция Леонтьева отличалась от позиции Данилевского и вызывала больший интерес евразийцев. Будущее России Леонтьев видит не в политическом союзе славянских народов, как Данилевский, а в единстве с народами российского Востока, при сохранении византийского православия, которое отличается веротерпимостью и идеологиче-

ски сплотит народы. Леонтьев особенно подчеркивает благотворность синтетического характера культуры и ее носителя. Как и их предшественники славянофильской ориентации, евразийцы не сомневались в том, что Европа переживает период упадка. Важнейшим признаком деградации евразийцы считали духовное оскудение. Для них распространение материализма, идей атеизма и социализма свидетельствовало о том, что в Европе душа убывает. К таким же умозаключениям приходят и европейские мыслители: О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет, А. Тойнби, А. Камю. «Зов к Востоку раздается не только из уст евразийцев. Сам Запад в своем современном духовном кризисе начинает иначе относиться к Востоку, начинает внимательно к нему прислушиваться и старается понять»⁵.

Таким образом, движение евразийцев продолжило одну из традиций русской философии – исследование самобытности русской культуры. В своих трудах они подчеркивают значимость развития национальных культур, уникальность и необходимость неподражательного развития. При этом акцентировалась идея необходимости постоянного взаимообогащающего диалога народов. В своем учении евразийцы опирались на глубокие духовные корни отечественной философской и общественно-политической мысли и пытались определить место России в мировой культуре. Идеи евразийцев, родившиеся в 20-е гг. XX в., не потеряли своего значения и актуальности и в наши дни. В настоящее время, на рубеже веков, в ситуации исторического перепутья возрождается интерес к русской идее. Многие современные отечественные мыслители заняты поиском ответов на вопросы: кто мы такие, откуда пришли и куда идем. Вполне возможно, что историко-философское наследие евразийцев может стать важным ориентиром в этих поисках.

⁵ *Алексеев Н.Н.* Духовные предпосылки евразийской культуры // *Евразийская хроника*. Берлин, 1935. Вып. 11. С. 13–28.